

ГЕРАКЛИДЫ

Э

ДЕЙСТВУЮЩИЕ *ЛИЦА*

Иолай.	Слуга.
Копрей.	Алкмена.
Хор марафонских поселян.	Вестник.
Демофонт.	Еврисфей.
Макария.	

Действие происходит в Марафоне, у храма Зевса. На ступенях алтаря — Гераклиды с молитвенными ветвями в руках.

ПРОЛОГ

Иолай

Додумался давно я до сознания,
Что праведный для ближнего рожден.
Напротив, кто корыстию охвачен —
Нет от такого городу поддержки;
С ним тяжело и ведаться: себя
Лишь бережет он. Не со слов чужих
Сужу об этом. Как покойно б мог я
Жить в Аргосе! Но нет: любовь, и честь,
И память о родстве хранил я свято —
И вот, покуда с нами жил Геракл,
Его труды делил я, как никто;
Теперь он в горних — я же охраняю

Крылом его детей, пожалуй, сам
 Нуждаяся в охране. Казни нашей,
 Едва отец их умер, Еврисфей
 Потребовал, но безуспешно: жизни —
 Изгнание спасло нам. С той поры
 Мы города меняем, бесприютны...
 И Еврисфей придумал муки нам
 Украсить униженьем. Где бы угол
 Мы ни нашли, — уже послы его
²⁰ Нас требуют, нас гонят; то аргосской
 Грозят они хозяину враждой,
 То дружбою его великой манят,
 Ссылаясь на то, что Еврисфей —
 Могучий царь. Хозяин видит старца
 Бессильного, детей-сирот — и нас
 Властителю в угоду изгоняет.
 Скитания делю и я с детьми,
 Я муку их делю, блюдя им верность.
 Не ждать же мне, что скажет кто-нибудь:
 «И видно, что Геракла нет: роднёю
 Приходится сиротам Иолай, —
³⁰ А помощи небось им не окажет...»
 Отвергнуты Элладой целой, здесь,
 У алтарей сидим мы марафонских,
 Богов моля о помощи. Страну
 Тесеевы два сына получили,
 Как долю из наследья Пандиона.
 В них кровь одна с Геракловым потомством;
 И вот зачем к Афин пределу славных
 Мы подошли, под Марафона сень.
 Нас двое воевод, и оба старых:
⁴⁰ Я опекаю сыновей Геракла,
 А дочерей — их бабка бережет
 Под кровом храма этого, Алкмена.
 Нельзя девиц пускать в толпу, сажать
 Боимся их у алтаря мы даже.
 Из сыновей же старший, Гилл, и те,
 Что возрастом ему поближе, вышли
 На поиски угла, куда склонить
 Нам голову, коль силой и отсюда

Нас удалят... О дети, дети, живо!..
Сюда, ко мне, держитесь за меня..
50 Глашатай Еврисфея! Царь микенский
По всей земле гоняет нас!.. Чума!
Ты сгинешь ли, и царь, тебя пославший,
С тобою! Ненавистный, сколько раз
Твои уста и славному отцу,
И им уже страданье возвещали!

Появляется К о п р е й.

К о п р е й

Ты думаешь, конечно, что нашел
Убежище надежное и город
Союзников... но ты ошибся! Кто
Не предпочтет тебе, старик и дряхлый,
Такого друга, как аргосский царь!
60 Все хлопоты напрасны. В путь скорей!
Заждался град камнейв Июля!

И о л а й

Ну, нет! Алтарь — защита нам; земля
Свободная под нашими ногами!..

К о п р е й

К насилью ты приглашаешь нас?

И о л а й

Нет, ни меня, ни этих ты не тронешь!

К о п р е й

Увидишь сам, что ты плохой пророк...

И о л а й

Пока я жив, ты не возьмешь нас силой!

К о п р е й

Прочь, говорю... Ты можешь не желать...
А все-таки отдашь их: Еврисфею
Принадлежат бежавшие рабы...

И о л а й

70 Все жители исконные афинской
Земли, спасите нас! У алтаря
Кронидова на площади насильем
Пятнается повязка на руках
Просителей, поруган город древний,
Бессмертные унижены! Сюда!..

П А Р О Д

На оркестру вступает хор марафонских поселян.

К о р и ф е й

Гей, гей! Что за крик окружает
Наш алтарь? И какую беду
Этот шум откроет?

Х о р

Строфа О, смотрите... слабый старик...
На земле простертый... О, горький!..

К о р и ф е й

Кто оскорбил тебя, несчастный старец?

И о л а й

Вот дерзостный, который силой нас
Со ступеней Крониды увлекает...

К о р и ф е й

⁸⁰ Откуда ж ты в Четырехградье к нам,
О старик? Иль брега Евбеи
На ладьях покинул? За море
Переплыв, ты сюда явился?

И о л а й

Не островом питаем, трачу дни;
Микены я сменил на землю вашу.

К о р и ф е й

А по имени как старика
Величает народ микенский?

И о л а й

Соратник я Гераклов, Иолай,
И вам мое не безызвестно имя...

К о р и ф е й

Да, я имя слышал. А птенцы
У тебя-то, старик, это чьи ж,
Из какого гнезда, на руках?

И о л а й

Геракловы, о чужестранцы; вместе
Со мной они вас умолять пришли...

Х о р

Антистрофа Но о чем? В беседу вступить
Ты с гражданством жаждешь афинским?

И о л а й

Мы не хотим, чтобы насильем нас
От алтарей влачили этих в Аргос.

К о п р е й

Но для господ, которые нашли
100 Вас здесь, — увы! — причины эти слабы!

К о р и ф е й

И все-таки молящего уважь!
Ты не должен рукою дерзкой
Ступеней алтарных касаться:
Не потерпит богиня Правда...

К о п р е й

Так возврати царю его людей,
И воздержусь я тотчас от насилья.

К о р и ф е й

Но безбожно бы было гостей
Оттолкнуть молящие руки...

К о п р е й

Для города — держаться в стороне
От разных осложнений — нет решения
110 Разумнее, мне кажется... *Итак,*
Детей я уведу, а вы — потише!

К о р и ф е й

На это ты отважишься не раньше,
Чем объяснив властителю земли,
Зачем ты здесь; покуда ж чужеземцев
Не трогай, гость, свободный край почти!

К о п р е й

А кто ж царит над городом и краем?

К о р и ф е й

Сын честного Тесея, Демофонт.

К о п р е й

Да, с ним бы мне и надо было спорить —
Был на ветер весь с вами разговор.

К о р и ф е й

А вот и царь; с ним брата Акаманта
Я вижу; как поспешны их шаги!..
Пускай тебя послушают владыки...

Э П И С О Д И Й П Е Р В Ы Й

Входит царь Демифонт в сопровождении Акаманта.

Д е м о ф о н т
(к Корифею)

¹²⁰ Ты упредил, старик, и молодых,
Спеша к огню Кронидову; какое ж
Событие собрало здесь толпу?

К о р и ф е й

Геракловы птенцы алтарь венчают
Мольбой своих ветвей, а возле них,
О государь, оруженосец верный
Покойного отца их, Иолай...

Д е м о ф о н т

Но этот плач пронзительный с чего же?

К о р и ф е й

Вот этот муж хотел от очага
Их увести насильно: он и вызвал
Все крики, царь, он старика подшиб,
Старик упал... до слез мне был он жалок.

Дем о ф он т

¹³⁰ Но, по одеждам судя и тому,
Как он их носит, это эллин... Странно!
Он поступил, как варвар.

(Обращаясь к Копрею.)

За тобой

Я очередь оставил, и не медли:
Пожаловал откуда, объясни...

К о п р е й

Аргосец я — ты это знать желаешь?
А от кого я послан и зачем,
Я это сам тебе хочу поведать...
Микенский царь сюда нас, Еврисфей,
За ними вот направил; а для действий
И слов моих, о чужеземец, есть
Немало оснований, и законных:
Я в качестве аргосца увожу

¹⁴⁰ Аргосцев же, которые решеньем
Моей земли на казнь осуждены
И не дают исполнить приговора.
Свои у нас законы, и дела
Мы, кажется, решать могли бы сами...
Бежавшие у очагов иных
Убежища искали уж, и то же,
Что слышишь ты теперь, по городам
Мне объяснять иным уж приходилось;
Желания не выразил никто
Своей беды прибавить к злоключеньям
Аргосских беглецов; но иль слепцом

¹⁵⁰ Они тебя считают, или просто
С отчаянья на смелый шаг решились,
Не думая, удастся ль им иль нет.
Ведь странно же надеяться, что, разум
Не потеряв, решишься ты один
Перед лицом Эллады равнодушной
К их безрассудной доле снизойти...

Ты только взвесь, что выгодней тебе:
Впустить ли в землю их, иль нам дозволить
Их увести. От нас тебе награда —
Всего поддержка Аргоса, союз
С могучим Еврисфеем. А размякни
От жалоб ты и слов их, — и войну
Ты навязал себе на шею. Разве
160 Ты думаешь, что мы окончим спор,
Не подкрепив желаний звоном меди?
И что ж своим ты скажешь? Где поля,
Которых ты лишен? Каких мы граждан
В полон афинских увели? Какие
Союзники твоей защиты просят?
Похоронить придется столько тел
На поле брани павших — и за что же?
Да, граждане тебя благодарить
Не будут за причину столкновенья;
Старик, который в гроб глядит, ничто,
И ребяташки эти... и за ними
Ты хочешь в омут? Лучшее всегда
170 Надежда нам рисует; но, поверь мне,
И лучшему в надеждах не легко
Сравняться с настоящим. Эти дети,
Доросши до dospехов, не смогли б
Аргосцев одолеть, коли надеждой
На это окрылен ты; а покуда
Они растут, успеете вы все
Погибнуть... Нет! Послушайся... Не должен
Ты отдавать своих вещей, — позволь,
Чтоб мы лишь наше взяли, и Микены —
Твои. Не будь народу своему
Подобен, царь, предпочитая слабых,
Когда к тебе идет могучий друг!..

К о р и ф е й

180 Не выслушав обоих, приговора
Произносить не должен ты, судья!

И о л а й

Царь, в этом ведь страны твоей краса:
На слово словом здесь ответить равным
Позволят мне и не велят в молчанье —
Как в городах иных — оставить край.
У нас же с этим мужем общих уз
Уж нет. Ведь города постановленьем
Мы изгнаны, мы не микенцы боле —
Откуда же права его на нас?
Мы — чужестранцы для него. Иль тот,
Кто Аргосом был изгнан, сразу должен
190 Изгнанником для всей Эллады быть?
Не для Афин же, царь; аргосский страх
Вас не заставит сыновей Геракла
Изгнать; ведь не в Трахине мы, не в граде
Страны ахейской, из которой ты, —
Не правдой, нет, а Аргосом пугая, —
Изгнанья их добиться, точно, мог,
Хоть алтари молящих осеняли...
Коль ты и здесь того ж добьешься, нет
Афин свободных больше. Но я знаю
Их чувства, их природу: умереть
200 Афиняне скорей бы согласились;
Ведь благородный человек и жизни
Не выкупит позором... Но довольно
О городе; ведь в похвалах претит
Излишество — по опыту я знаю,
И частому, всю тяжесть похвалы,
Когда она чрезмерна. Лучше будет,
Коль разьясню тебе я, почему,
Как царь Афин, ты выручить их должен.
Питфей был сын Пелопа; от него
Мать твоего отца Тесея, Эфра,
Произошла. Теперь мы проследим,
210 Откуда Гераклиды. Был Алкменой
От Зевса их рожден отец; она
Дочь дочери Пелопа; твой родитель
Троюродным отцу их братом был,
Царь Демофонт... Но и помимо уз,

Скажу тебе, что ты у Гераклидов
Еще в долгу. Ведь сам оруженосцем
Я у Геракла был, когда в поход
С Тесеем он собрался, чтобы пояс
Добыть — побед бесчисленных залог.
Геракл затем из глубины Аида
Бессветной вырвал твоего отца:
Так молвит вся Эллада. Заплати ж
220 Им милостью за это, царь: молящих
Врагам не выдай, не дозвошь злодеям,
Наперекор богам твоим, из края
Их увести. Какой позор бы был
Афинскому царю, когда б скитальцы,
Молящие, его родные,— силой
От алтарей увлечены бы были...
О, погляди на них, хоть погляди,
Как жалок вид их, умоляю!.. Руки
Тебя с мольбой обвили; бороды
Касаясь, заклинаю Демофонта,—
Не отдавай в обиду сыновей
Геракловых, прими их, будь родным
230 И другом их, явись отцом, иль братом...
Иль господином даже; ведь и это
Для сирых лучше, чем аргосский меч.

К о р и ф е й

Как жалостна их участь, государь!
Я никогда не видел, чтоб судьбой
Был более унижен благородный!
Отцовское не охранило их
От незаслуженных страданий имя!

Д е м о ф о н т

Мне указуют путь твой, Иолай,
Три довода, отвергнуть не давая
Твоих сирот. Превыше всех — Зевеса
Я чту алтарь, который осенил
Тебя с птенцами этими... Затем

240 Идет родство и их отца услуга,
Которую должны мы оплатить
Его семье... Но если что волнует
Меня, то это — высший довод: честь.
Ведь если я позволю, чтобы силой
От алтаря молящих отрывал
Какой-то иноземец, так прощай
Афинская свобода! Всякий скажет,
Что из боязни Аргоса — мольбу
Изменой оскорбил я. Хуже петли
Сознание такое. Да, с тобой
Мы встретились при грустной обстановке,
Но все-таки не трепещи: насильем
Не будете уведены ни ты,
Ни эти дети...

(К Копрею.)

250 Ты ж отправься в Аргос
И Еврисфею это объяви;
Прибавь, что если в чем он обвиняет
Пришельцев — правды путь ему у нас
Открыт; но увести их ты не смеешь.

К о п р е й

А если прав я? Если б ты склонился?

Д е м о ф о н т

Ты прав — молящих уводя насильно?

К о п р е й

Ну, мне и стыдно будет, не тебе ж...

Д е м о ф о н т

Нет, мне, раз я насилье допускаю...

К о п р е й

Ты выстави их только за предел
Твоей земли, а там уж наше дело!

Д е м о ф о н т

Перехитрить богов? Совет не умный!

К о п р е й

Ты наберешь в Афины негодяев!

Д е м о ф о н т

²⁶⁰ Для всех людей защита — алтари.

К о п р е й

Не убедят слова твои микенцев!

Д е м о ф о н т

Но у себя дела решаю я.

К о п р е й

Разумен будь — микенцев не гневи!

Д е м о ф о н т

Пусть лучше вас гневлю я, но не бога.

К о п р е й

С Микенами войны вам не желаю.

Д е м о ф о н т

Зачем войны? Но не отдам гостей...

К о п р е й

Я увожу своих — не помешаешь?..

Демофонт

Попробуешь,— но с Аргосом простишься...

Копрей

А вот сейчас попробуем — посмотрим...

Демофонт

270 Смотри, придется плакать — и сейчас!

Корифей

Ради богов! Глашатая не бей!

Демофонт

А если долг глашатай нарушает?

Корифей

(к Копрею)

Уйди, уйди...

(К Демофонту.)

А ты посла не трогай!

Копрей

Я ухожу. Что сделаешь один?

Но я вернусь с аргосскою дружиной.

Доспехи ей Арес ковал, и ждут

Нас тысячи аргосцев, опираясь

На тяжкие щиты. Сам Еврисфей

Ведет их в бой. Царь выдвинул дружины

На грань земли мегарской, чтоб от нас

Скорей узнать исход посольства. Пусть

Услышит он про эту наглость,— будем

280 Мы памятны тебе, и сонму граждан,

И всей земле, и насаждениям вашим...

Зачем тогда и юношей растить

Нам тысячи в Микенах, коли даром

Сходило бы врагам глумленье их!..

Д е м о ф о н т

Иди и сгинь, твой Аргос мне не страшен.
А этому не быть, чтоб опозорить
Себя я дал, дозволив вам гостей
Своих увести. Не подчинен Аргосу
Мой город, нет: свободен он всегда.

Копрей уходит.

К о р и ф е й

Время не терпит... Пока
К нашим пределам враги
Не подступили... решить
Многое надо; могуч
²⁹⁰ Был у микенцев Арес —
Стал он теперь и свиреп...
Ведь у герольда в устах
Что ни огонь, то пожар...
Он ли в рассказе царям
Не разукрасит обид?...
Скажет: «Едва я ушел!
Смертью грозили послу!..»

И о л а й

Нет для детей отрадней дара, если
Они отцом и добрым рождены
И знатным, и от матери такой же.
Но если муж, желаньем покорен,
³⁰⁰ Берет жену безродную, — услада
Отцовская позором остается
Его семье. Удар судьбы — и тот
Скорее отразит благородный,
Чем тот, кто родом низок. Мы дошли
До крайней точки бедствия — и все же
Нашли себе друзей и братьев — их:
Они одни в Элладе многолюдной
Нас защитить решились и спасти.
Приблизьтесь, дети, протяните им
Вы руки правые — и вы, селяне,

Их приголубьте! Да, друзей, родные,
Открыл тяжелый опыт. Коль возврата
310 В удел отца дождетесь вы, и дом,
И честь его вернете, почитайте
Спасителей в царях земли афинской
Навеки и друзей. И вот завет
Мой, дети, вам: чтоб вражеским копьём
Вы никогда их землю не громили,—
Нет, меж союзных чтили самой близкой...
Венчайте уважением мужей,
Которые из-за бездомных нищих
Себе врагов бесчисленных добыть
И сильных не задумались в пеласагах,
Которые не выдали детей
Геракловых и не прогнали.

(К Демифонту.)

Я же,
320 Пока я жив, да и по смерти, друг,
Хвалой тебя перед далекой тенью
Тесея возвеличу, услаждая
Ее рассказом о тебе. Как друг,
Ты принял нас, пригрел детей Геракла,
И отчую в Элладе славу ты,
Афинский царь, сберег. Тебя родившим
Не уступил ты в доблести — таких
Немного ведь. Один на сотню разве
Достоинством отцу подобен сын.

К о р и ф е й

330 Не в первый раз стоять земле афинской
За правду и несчастных; без числа
Она подъяла бед в борьбе за друга...
Такое ж состязанье предстоит...

Д е м о ф о н т
(к Иолаю)

Ты хорошо сказал, и я уверен,
Что так с детьми и будет: о моей
Они тогда услуге не забудут...

А я иду на совещанье граждан
Созвать и тем — дружиною отпор
Обильной приготовить; но сначала
Лазутчиков пошлю, чтобы враспloch
На город не напали, — ведь аргосцы
340 Все на подъем легки; да не забыть
Гадателей собрать, устроить жертву...
Ты ж во дворец отправься и возьми
С собой детей. Очаг не нужен Зевса
Моим гостям. Я ухожу, но вас
И без меня там примут. С богом, старец!

И о л а й

Нет, очага позволь не покидать...
Молящие, от алтаря взывая
К отцу богов, испросят счастья вам!
Когда ж исход борьбы благополучным
Окажется — твои мы гости, царь!
Да, не слабей аргосских наши боги:
Им помогает Гера, что с отцом
350 Бессмертных ложе делит; нам — Афина,
И право ж, это счастье, что она:
Паллада без победы не уходит.

Демофонт и Акамонт покидают сцену.

СТА СИМ ПЕРВЫЙ

Хор

Строфа Если кичлив ты, аргосец,—
Нам от того не больше,
О чужеземец, горя...
Грозной своею речью
Не ужаснешь ты сердца...
Так да не будет великим
Хорами славным Афинам,
360 Как говорил ты... безумен
Ты и властитель аргосский!

Антистрофа В город пришел ты свободный,
Силой Микенам равный,
Чтоб увлекать насильем
От алтаря молящих;
Сам чужеземец, в чести
Ты отказал властелинам,
Правды путем пренебрег ты!
370 Может ли быть у разумных
Слава деянью такому?

Эпод Мир мое сердце любит...
Все же, злобный владыка,
Слушай! В городе нашем
Встретишь прием ты немилый.
Иль у тебя лишь копья?
Войско в доспехах медных
Есть и у нас... Хоть друг ты
Шуму и сече бранной,
Все же совет мой: смуту
380 В город, Харитам милый,
Лучше вводить побойся!

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Возвращается Демонфонт.

И о л а й

Дитя мое, раздумье на лице
Написано твоим... Иль об аргосцах
Сообщено? Замедлился поход,
Иль здесь они? Иль новое услышал
Ты что-нибудь? Глашатая слова
Неложною угрозою звучали...
Царь Еврисфей, успехом окрылен,
Идет на город ваш, и это верно.
Но гордых дум не терпит царь богов...

Демофонт

390 Аргосцы здесь, старик, и с Еврисфеем,
Сам видел я царя... Ведь если кто
Быть воеводой истинным желает,
Не вестникам тот верит, а глазам.
Но все же он войска свои покуда
В равнину не спускает. Он засел
На вышине отвесной и, должно быть,
Высматривает путь, чтоб без отпора
Ему страну полками наводнить
И основаться в ней всего вернее.
В ответ и мы надежно снарядились:
Афиняне в доспехах, и стоят
400 Готовыми для жертвы козы. Всюду
Жрецы аргосцам молят лютой смерти,
А городу спасенья. Я велел
И вещунам собраться; сколько было
Таинственных оракулов и явных,
Сличили мы, подъявши пыль веков;
Немало в них открыли разноречий,
Но сходятся в одном гаданья все:
Деметриной в усладу дочери грозной,
Должны мы деву благородной крови
410 Заклать... Ты видишь: вам помочь я рад,
Но дочь отдать я не решусь, и странно б
Насилием мне было отбирать
Рожденную в Афинах от ее
Родителей; а кто ж такой безумец,
Чтобы зеницу глаз своих охотно
На истребленье дать? И так уже
Афиняне волнуются, и споры
Наш город раздирают: кто со мною
Согласен и считает справедливым
Молящего почтить, а для иных
Мечтатель я. А если крови девы
Потребовать осмелюсь я — мятеж
Немедля вспыхнет. Что мне делать, старец?
420 Не сыщешь ли ты средства и себя
С детьми, и нас спасти, от осуждений

Афинского царя освободив?
Ведь я не варвар-самодержец: власти
Моей постольку граждане покорны,
Поскольку сам покорен правде — царь.

К о р и ф е й

Помочь в нужде мы рады чужеземцам —
Да, видно, бог пути нам преградил,

И о л а й

О дети! Мы теперь, как мореходы,
Едва спаслись от яростной волны,
До гавани рукой подать, и вдруг
430 Безумный шквал... и где опять тот берег?
Земля от нас уходит эта, дети,
А славили спасенье мы!.. Себя
На суше мы считали... Ты, надежда,
Нас радостно дразнила, — для чего ж,
Коль милости к несчастным не таила
Твоя мечта? Могу ли на царя
Я гневаться, что он не отбирает
Афинских дев у граждан для ножа?
Своей хвалы я не возьму обратно
У города. Я все же твой должник,
О царь, хоть мой удел и жалок... Только
Для вас-то что ж придумаю, птенцы?
Куда еще идти? И есть ли боги,
440 Которых бы мольбою не венчал
Я алтарей? И где огонь очажный,
Который бы детей не озарил
Беспомощных?.. Нас выдадут микенцу...
И я умру... Ну что ж! Я одного
При этом лишь боюсь — его глумлений...
Но вас до слез мне жалко, малыши,
И старую Алкмену тоже жалко...
Твой долгий век, о горькая, каким
Венчается концом!.. И я, несчастный,
Трудился для чего же? Для того ль,

Чтобы, врагу попав позорно в руки,
450 Из жизни так печально выбыть? Царь,
Ты спрашивал, что делать... помоги ж нам
Теперь в одном... ведь на спасенье есть
Еще надежда детям: Иолаем
Ты замени Геракловых птенцов!..
Избегнешь ты опасности, и дети
Останутся в живых. А старику
Что в жизни за отрада? Бог же с нею!
Ведь более всего желал бы он
Гераклова соратника унижить:
Не благороден он. Молись, разумный,
460 С разумным чтоб вражда тебя свела:
Тогда и честь изведает и правду.

К о р и ф е й

Ты прав, старик; сними же обвиненье
С земли афинской. Иначе падет
Укор на нас, хоть лживый, но позорный,
Что выдали Микенам мы гостей.

Д е м о ф о н т

Слова твои при всем их благородстве
Нисколько не помогут нам. Сюда
Дружину царь не за тобой приводит...
И что ему прибавится,— умри
Действительно старик? Он хочет смерти
Гераклова потомства. Для врагов
Опасен благородный, вырастая,
Что юношей он станет и отца
Припомнит им он унижение. Это
470 И Еврисфей теперь предвидит, верно...
Нет, поищи другое что-нибудь...
А я ума не приложу, и страхом
Вещания мне сердце наполняют...

Из храма выходит М а к а р и я.

Макария

О, не считайте своевольем, мужи,
Что я ушла из храма — вас прошу
Об этом с первых слов. Я знаю, девам
Молчание, и скромность подобают,
И тишина жилища... Но твои
Я услышала стоны, Иолай,
И хоть никто меня из Гераклидов
480 Не посылал,— какой-то голос тайный
Увлек меня. За братьев я болею,
Да и сама желаю я узнать,
Какой удар, в придачу к прежним, новый
Тебя поверг в уныние, старик?

Иолай

Тебя всегда, дитя мое, хвалой
Среди сестер и братьев отличал я!
Наш бог, о дочь, отраду нам сулил,
И снова неудача. Этот муж
Гадания здесь передал: не телку
490 И не быка Афинам бог велит
Для дочери Деметры, а девицу,
И благородной крови, заколоть.
И выхода нет более ни в чем
Ни городу, ни нам — иначе гибнем...
Вот наше горе, дочь моя; ни царь,
Ни гражданин афинский не заколют
Своих детей — он это объяснил.
А значит... хоть не вымолвил он ясно,
Но все же понял я: «Ищите, мол,
Себе иной страны, свои ж Афины
Не волен я погибели предать».

Макария

И это — все?.. Условье счастья — в этом?

Иолай

Да; более, дитя, задержки нет...

Макария

500 Тогда врагов и ратников микенских
Бояться не должны вы... Умереть
Готова я, старик! Сама я горло
Подставлю им, куда мне никто
Не приказал еще жрецам отдаться...
И что сказать могли бы мы? За нас
Афиняне опасностей и муки
Подъемлют бремя тяжкое, а нам
Есть случай их спасти, и мы боимся
Пожертвовать собою... Не смешно ль?
Рожденные Гераклом — и в несчастье
Умеют только плакать да алтарь
С мольбою обнимать, как труссы! Разве
510 Прилично это благородным? Или
Для дочери Геракла лучше будет —
Из города, который взят копьем
(Не станется ж от слова!), руки вражды
Добычею украсить и, позор
Вкусивши, в ту ж сойти юдоль Аида?
Иль нам уйти отсюда?.. Что ж, опять
Скитания да речь еще вдобавок,
Которой не слышали мы: «Опять
Вы с ветками молящих... Что вам надо?
Ступайте, жизнелюбцы, вы свою
Уж доказали трусость... помогать
Вам не хотим мы больше...» Но надежды
520 На счастье, останься я одна
Живой из Гераклидов, тоже нет!
А многие в такой надежде друга
Предать не побоялись. Кто бы взял
В супруги сироту, одну на свете,
И захотел бы от меня детей?
Не лучше ль умереть, чем этот жребий,
Столь недостойный нас! Другой, пожалуй,
Он и пристал бы — не в такой рожденной
Красе, как я. Веди ж меня туда,
Где с жизнью я прошусь... венком украсьте....
Волос моих железо пусть коснется,

530 Коль так велит обычай. Но врагам
Победы не давайте!.. Душу волей
Вам отдаю, никто не приказал,
И знайте все, что жертвою за братьев
И самое себя я умираю...
Я клад прекрасный обрела, любовь
Презревши к жизни — славной смерти клад.

К о р и ф е й

О, что сказать мне? Гордой речи внял я
Из уст девичьих: умереть за братьев
Она горит. Кто мог бы благородней
Промолвить слово иль свершить деянье?

И о л а й

Мое дитя, поистине другого
Ты не могла быть дочерью, и дух
540 Божественный Геракла вместе с кровью
В твое вселился тело!.. Я словам
Внимал твоим, гордяся, но судьбою
Твоею я смущен. И справедливой
Поступим мы, коль соберем сюда
Твоих сестер — и пусть решает жребий,
Кому идти на смерть за целый род;
Отдать тебя, судьбы не испытавши, —
То было бы неправдой, дочь моя!..

М а к а р и я

О нет, оставь, старик... Я не хочу
Быть жертвою по жребию: иль этим
Стяжала бы любовь я?.. Если ж душу
Вы примете мою и умереть
550 Дадите мне за них по вольной воле,
Без всякого насилья, — я готова...

И о л а й

Еще прекрасней прежнего сказала
Ты слово, дева,— хоть и в том явила
Ты благородство полное. Дитя,
Отвагою отвагу превзошла ты
И добротой доброту. Просить
Тебя не смею я,— не смею также
И отговаривать... семью твою
Своею смертью ты спасешь, родная.

М а к а р и я

Благоразумен твой совет — от скверны
Уйдешь ты; смертью вольной я умру.
Но ты за мною следуй и дыханье
560 Мое последнее прими, покровом
Безжизненное тело осеняя.
Меча же не боюсь я, коль по праву
Геракла дочерью величаюсь я.

И о л а й

Нет, не могу твоей я казни видеть...

М а к а р и я

Тогда проси, чтоб не в руках мужей,
По крайней мере, а в объятьях женских
Мне дали жизнь окончить, Иолай!..

Д е м о ф о н т

О девушка несчастная, исполню
Твои слова я свято... стыд бы был
Твоей не скрасить смерти; так велит мне
И наш закон, и рвение твое.
570 Да, самую печальную из всех
Я видел долей женских. А теперь
Будь ласкова, скажи привет последний
И братьям молодым, и старику.

Макария

Прости, старик, прости! И передай
Свой ум и этим мальчикам, способный
На все дела... умней тебя зачем
Им вырастать? И попытайся жизнь им
Спасти... да, впрочем, ты и так усерден:
Мы все равно что рождены тобой;
Мы на твоих руках росли. И я,
580 Цветущая невеста, не колеблюсь
За Гераклидов умереть. А вы,
Вы, что ко мне теснитесь, дети, братья,
Да будет счастье с вами: все дары,
Которые в моей таятся жертве,
На долю вам пусть выпадут! Старик
Вот этот и Алкмена там, во храме,—
Любите их... Афинян чтите, дети...
А если вам бессмертные предел
Положат испытаньям и отчизну
Когда-нибудь вернут,— не забывайте,
Как должно вам спасительницу вашу
590 Могилою почтить. А должно — всех
Прекраснее. Сестрою малодушной
Я не была у вас — за дом родной
Я умерла. Да будет же могила
Заменой мне детей не принесенных,
Девичества закланного навек...
Коль под землею что-нибудь от нас
Земное остается... Только лучше,
Чтоб не осталось ничего... Куда ж
Деваться нам с печальями, коль мертвым
Их не дано забыть? А говорят,
Что умереть и значит — исцелиться!..

Иолай

О, нет тебя великодушной, нет...
И знай, пока ты дышишь и потом
Священнее тебя для нас не будет...
Прости... прости! Боюсь я оскорбить

⁶⁰⁰ Печальными словами ту богиню,
Которой ты начатки отдала.

Макария и Демофонт уходят.

О дети! Ухожу я... горе ломит
Состав костей моих... Я упаду...
Возьмите, посадите на ступени
Алтарные бессильного; ему
Вы голову покройте, дети. Тяжким
Мне давит сердце бременем ее
Погибель. Правда, если бы то слово
Вещания презрели мы — нам всем
Пришлось бы умереть, и чаша горя
Полней бы стала,— но полна и рта.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

Строфа Нет без божественной воли блаженного мужа,
Нет и несчастных...

⁶¹⁰ Только не вечно вздымают и боги
Тех же людей; судьба нас качает
Вверх одного, книзу другого...
В бездну она низвергает счастливец,
Нищего в выси блаженства возносит.
Жребия ты не минуешь, а он над искусством смеется.
Труд и борьба — только лишние муки...

Антистрофа
⁶²⁰ Встань, Иолай: покоримся божественной воле,
Не отдавайся
Этим порывам отчаянья, старец;
Та, что умрет за братьев и город,
Славы свою долю приемлет.
Девичье имя в устах не угаснет.
Доблести путь пролагает страданье,
Дева ж достойной отца и достойною рода явилась...
Славить хочу я славные смерти!..

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Входит слуга Гилла.

Слуга

⁶³⁰ О дети, радуйтесь... Где ж Иолай?
И мать отца куда же удалилась?

Иолай

Я здесь, коль это точно прежний я.

Слуга

Но ты лежишь, лицо твое в печали!..

Иолай

Заботою измучен о своих...

Слуга

Встань, Иолай, и подними лицо!

Иолай

Старик я, и бессилен я, увы!

Слуга

Но я принес тебе большую радость!

Иолай

Но кто же ты и где встречались мы?

Слуга

Из Гилловых людей я; не узнал ты?

И о л а й

⁶⁴⁰ Ты выручить из горя нас идешь?

С л у г а

Да, и теперь идут дела удачней.

И о л а й

О славного Геракла мать, Алкмена!
Приди, услышь счастливейшую весть!
Ведь уж давно ты в муках материнских
Свое крушила сердце об ушедших,
Сужден ли им возврат... Сюда, Алкмена!

А л к м е н а

(выходит из храма)

Призывы дом наполнили... Скажи,
О Иолай, ужель опять микенский
Тебя теснит глашатай? Мало сил
Оставила нам старость, чужеземец,
⁶⁵⁰ Но увести детей тебе не дам,
Пока еще я матерью Геракла
Считаюсь... Только тронь их, и тебе
Бесславная борьба грозит — два старца...

И о л а й

О, разуверься, старая, и страх
Покинь; врага-глашатая здесь нет...

А л к м е н а

Но ты кричал, нам возвещая ужас...

И о л а й

Я вызывал тебя из храма только.

Алкмена

Я поняла не так... А это кто ж?

Иолай

Он возвестил тебе прибыть вь внука.

Алкмена

⁶⁶⁰ Будь счастлив, гость, и ты за эту вьсть...
Но отчего ж, когда он в эту землю
Уже пришел, его не видим? Случай
Какой ему с тобою помешал
Порадовать мне сердце появлением?

Слуга

Он войско размещает, что привел.

Алкмена

Об этом вьсть он, верно, шлет не нам.

Иолай

Пусть не тебе, но все же мне.

(Слуге.)

Ответствуй!

Слуга

Что именно хотел бы ты узнать?

Иолай

Союзников привел сюда он много ль?

Слуга

Я не считал, но знаю — много их.

И о л а й

⁶⁷⁰ Вожди Афин извещены, конечно?

Слуга

Нам левое уступлено крыло.

И о л а й

А разве войско там готово к бою?

Слуга

Уж жертвы ждут, поодаль от рядов.

И о л а й

А далеко ль от них аргосцев копья?

Слуга

Ты б воеводы различил черты.

И о л а й

А чем же был он занят? Войско строил?

Слуга

Должно быть, так: нам было не слышать.
Но я пойду. Я не хочу оставить
Своих господ, когда вступают в бой.

И о л а й

⁶⁸⁰ И я с тобой. У нас забота та же —
Друзьям помочь, как требует наш долг.

Слуга

Не след тебе пустое молвить слово.

И о л а й

⁶⁸³ А в бранном деле покидать друзей?

Слуга

⁶⁸⁸ Не та, что раньше, сила Июля.

И о л а й

⁶⁸⁵ Бессилен щит я поразить копьем?

Слуга

Да, порaziшь — и сам падешь на землю.

И о л а й

Мой взор один микенцев ужаснет!

Слуга

⁶⁸⁴ Не ранишь взором, коль рука недвижна.

И о л а й

⁶⁸⁹ Но ведь числом враги нам не уступят?

Слуга

Что ж? Перевеса нам и ты не дашь!

И о л а й

Не убеждай — решил сражаться я.

Слуга

Сражаться не тебе — молиться разве.

И о л а й

Я не останусь — речь перемены...

Слуга

Средь латников не воин — безоружный.

И о л а й

Вот в этом храме и оружье есть,
Что было снято с пленных; нам послужит
Теперь оно, и если я живым
Вернуся из сражения, сюда же
Доставим мы доспехи; но и бог
С убитого не взыщет... В эти двери
Войди и, сняв с гвоздя, сюда доставь
Тяжелые доспехи, да скорее!..
⁷⁰⁰ Позор тому, кто дом свой охраняет
И робко ждет, в брань отпустив друзей!

Слуга уходит в храм.

К о р и ф е й

(к *Иолаю*)

Не увяло от времени сердце твое,
Оно бьется, как раньше, — но сила не та!
Не трудись же напрасно во вред самому
И без пользы для родины нашей, мой друг;
О, опомнись, старик, и несбыточных дум
Искушения брось:
Не видать тебе юности дважды!

А л к м е н а

(к *Иолаю*)

Ты потерял рассудок... Иль меня
⁷¹⁰ С детьми одну покинешь? Сам подумай!..

И о л а й

Мужам война — а ты о них заботься!

Алкмена

Ну, а тебя убьют... спасемся как?

Иолай

Придумают, коль уцелеют, внуки.

Алкмена

А — боже сохрани — на них беда?

Иолай

На доброту друзей тогда надежда...

Алкмена

Одна и остается — нет другой...

Иолай

Да о тебе, жена, и Зевсу думно...

Алкмена

Увы!

Но жалобы из уст моих Кронид,
Конечно, не услышит — сам он знает,
По правде ли со мной он поступил!..

Из храма возвращается слуга, неся полное вооружение.

Слуга

⁷²⁰ Доспех готов, и полный. Поспеси же
Его надеть на тело. Близок бой,
И медящий Аресу ненавистен...
Но если вес доспехов испугал
Тебя, старик, — их не бери покуда,
Иди как есть. На поле битвы ты
Наденешь их, я ж донесу до места....

И о л а й

Ты прав, возьми покуда наш доспех,
Но в руку дай копьё мне и, под левый
Схвативши локоть, направляй меня.

С л у г а

Руководитель воину потребен?

И о л а й

⁷³⁰ Приметы ради — чтоб не оступиться.

С л у г а

Ах, если б с духом мощь твоя сравнялась!

И о л а й

Скорей! Позор на битву опоздать!

С л у г а

Да за тобой задержка — не за мной!

И о л а й

Мои ль не быстры ноги? Погляди...

С л у г а

Гляжу, что ты спешишь, да только в мыслях.

И о л а й

Вот грянет битва — и не то ты скажешь.

С л у г а

И что ж скажу? А впрочем — бог нам в помощь.

И о л а й

Что вражий щит пробил я — вот что скажешь..

С л у г а

Коль мы дойдем... Но вот дойдем ли мы?

И о л а й

⁷⁴⁰ О ты, рука моя, такой же верной
Союзницей мне будь, какой тебя
От юности хранит воспоминанье,
Когда с Гераклом Спарту я громил.
Тогда мы тыл увидим Еврисфеев:
Подобного напора не снести
Трусливому. Но вот что худо: всем
Мерещится в удаче лживый призрак
Отважности, и склонны думать люди,
Что раз кто счастлив — все умеет он.

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Х о р

Строфа I Ты, земля, ты, лампада ночей,
Вы, всесветлого бога
⁷⁵⁰ Нам горящие ярко лучи, —
Принесите мне радость
И по дальнему небу домчите ее
До владычного трона,
До дворца синеокой Афины!
Да! За отчую землю,
За очажное пламя
Должен медью сверкать я,
Потому что молящие — святы...

Антистрофа I Хоть тяжело нам считать,
⁷⁶⁰ Что золотые Микены,
Осененные славой побед,

К нам исполнены злобы —
Но стократ тяжелее гостей выдавать,
О защите молящих,
По приказу царя-лиходея.
Зевс за нас; мне не страшно:
Зевс за правду воздаст нам.
Выше божьего слова
Не поставлю я смертного волю.

Строфа II ⁷⁷⁰ А ты, о дивная!.. Тебе
Мы любим землю доверять,
Ты и царица ей и мать:
Не выдавай нас злой судьбе!
Неправда мощная врагов
Рукой преступною ведома, —
И я ль, боявшийся богов,
Лишусь родительского дома?

Антистрофа II Не твой ли жертвами кишит
Приют, Афина? Не тебе ли
С тех пор, как город наш стоит,
Плясали хоры, девы пели?
Тебе звучат их голоса,
⁷⁸⁰ И танец ноги выбивают,
Когда туманом небеса
И мраком выси одевают!

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Входит вестник.

Вестник

Я приношу тебе, о госпожа,
Известие, для языка и слуха
Приятное! Чтоб не тянуть, скажу:
С победой мы; из копий и доспехов
Твоих врагов уж строится трофей!

Алкмена

О друг, тебе за эту весть отрадной
Свободою заплатит день!.. Но нас
790 Не вызволил еще ты совершенно...
Боюсь я, живы ль те, кого люблю?

Вестник

Они живут и славой увенчались.

Алкмена

Но Иолай, старик... Он тоже жив?

Вестник

Особо он почтен богами даже...

Алкмена

В сраженье отличился он? Иль как?

Вестник

Бессмертные ему вернули юность.

Алкмена

Чудесна речь твоя... Но передай
Мне первым делом ход борьбы счастливой.

Вестник

800 Все объяснит тебе один рассказ.
Когда ряды гоплитов развернулись
Лицом к лицу, то с колесницы Гилл
Спускается и, став на вольном месте
Меж двух дружин, так говорит: «О вождь,

Из Аргоса пришедший! Отчего бы
Не пощадить нам эту землю? Зла
Большого и Микены не потерпят,
Коль одного лишатся мужа. Мы
На поединок выйдем; если боги
Дадут тебе убить меня,— детей
Геракловых ты уведешь; а если
Тебя убью,— пусть не мешают нам

⁸¹⁰ Забрать и власть, и дом отца, аргосец...»

И кликами венчали те слова
Ряды солдат: конец им полюбился
Страдания боевого — и отвага.
Но Еврисфей, людей не устыдясь,
Что Гераклида слышали, и трусость
Позорно выставляя,— воевода! —
На смелый вызов витязя смолчал.
И слабые такие помышляют
Геракловых детей поработить!..

⁸²⁰ Вернулся Гилл в ряды; тогда пророки,
Поняв, что брань закончить поединком

Не суждено, без промедленья жертвы
Ножом заклали. Падают — и кровь,
Потоками из раны хлынув, милость
Бессмертных возвещает. Колесниц
Ряды тогда наполнились, а тесно
Сплотившихся тяжелые щиты
Покрыли... Вождь афинский ободрял
Своих бойцов по-царски: «О мои
Сограждане! Земле, что вас родила,
Что вас любовно кормит,— ей теперь
Вы послужить должны!» А неприятель
Тем временем соратников молил,
Чтобы Микен они не посрамили
И Аргоса. Но яркая труба

⁸³⁰ Тирренская призывом зазвучала,
И ты представь себе, какие вслед
Удары щит о щит, и крик, и стоны
Подъялись вихрем тяжким... И напор
Копейщиков аргосских очень скоро
Прорвал ряды афинские... потом

Враг отступил... но грудь на грудь вторично
Сошлись мы с аргосцами... И бой
Упорный загорелся. И убитых
Тут полегло немало. Два кругом
Носилося призыва в поле: «Аргос», —
840 «Афиняне», — «не посрамите стен
Отеческих!». С усилием, но микенцев
Мы все-таки прогнали. Иолай
Тогда старик является; десницу
С мольбою простирая к Гиллу, он
Себе на колеснице места просит;
И, вожжи взяв, за Еврисфеем вслед
Возница устремился. Дальше я
Со слов чужих могу поведать только
Движение событий. Проезжая
Мимо холма Палленского, что был
Афине посвящен, завидел старец
850 Аргосского царя... тогда мольбы
Он жаркие вознес к отцу бессмертных
И Гебе, чтоб ему на день один
Они вернули молодость и дали
Врагам отмстить... И тут готовься весть
О чуде услышать, царица. Только
Окончил он молитву, — две звезды
Поверх ярма сверкнули, колесницу ж
Одела ночи мгла. Нам мудрецы
Так объяснили, что то были — Геба
И твой, царица, сын. И вот внезапно
Рассеялся туман густой, и мы
Увидели того же Иолая,
Но только молодым героем, силы
Исполненным нетронутой. И горд
И смел, на Еврисфея прянув возле
860 Скиронских скал, он в плен его берет
И, оковав, тебе ведет — трофей
Блистательный — счастливого дотоле
Властителя. Какой урок для нас,
Чтоб зависти мы не питали к жизни,
Счастливой с виду, до конца ее:
Так скоротечны дни благополучья!

К о р и ф е й

О Зевс, о бог-защитник! День, свободный
От ужасов, ты нам явил теперь!

А л к м е н а

О Зевс! Ты поздно взор свой обратил
На бедствия Алкмены; но тебя
⁸⁷⁰ Благодарю я все ж за милость. Знаю,
Что сын мой средь богов — да, ныне знаю;
А раньше мне не верилось. И вы,
О дети, вы свободны от страданий:
Бояться вам не надо Еврисфея!
Погибнет он постыдно, вы ж опять
Удел отца увидите, богам
Отечества вы принесете жертвы
Не на чужой земле, а на родной,
С которой вас прогнали, осудив
Скитаться средь несчастий и лишений.
Но объясни, понять я не могу,
Какой расчет заставил Иолая
⁸⁸⁰ Аргосского владыку пощадить?
По-моему, живым врага оставить,
Коль он у нас в руках,— одно безумье.

В е с т н и к

Хотел тебе доставить радость он,
Чтоб ты врагом плененным насладилась.
Противился микенец, не хотел
Ярма надеть и на глаза твои
Живым предстать за полученьем кары.
О старая жена, возвеселись,
Да не забудь, что первые слова
⁸⁹⁰ Прервала ты, свободу обещав мне...
В таких делах уста царей не лгут!..

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Хор

Строфа I Сладок нам танец и пир,
Прелестью флейты полный;
Чары Киприды нам
Негою сердце тешат;
Мило и счастье друзей,
Если придет неожиданно...
Сколько у Мойры в руках
Пряжи, и сколько с нею
Времени сын Век
⁹⁰⁰ Нитей мотает...

Антистрофа I Избран, о город, тобой
Праведный путь: вы бессмертных
Чтите, Афины, — так
Вечно творите. Ярок
Гибели вражьей пример.
Правду хотел безумец
Поколебать, и его
Боги казнили. Гордость
Мысли всегда бог
Смутой наполнит...

Строфа II ⁹¹⁰ На небесах твой славный сын,
Царица старая; не прав,
Кто молвит, что в Аиде он,
Оставив пепел на костре.
Там в золотом чертоге
Гебы дивное ложе
Делит он... О Гименей,
Браком связал ты славным
Зевсово чадо с чадом
Зевса навеки.

Антистрофа II ⁹²⁰ Как часто звеньями в цепи
Дела становятся! Отец
Малюток этих был спасен
Афиной,— город наш детей,

Славный народ Паллады,
Спас, надменность карая
Мужа, который закон
Буйно нарушил. Сердцу
Ярые страсти, гордость —
Будьте вы чужды...

ЭКСОД

Приходят слуги, ведущие с собою пленного Еврисфея.

Слуга

О госпожа, хоть видишь ты, но все же
И я скажу: вот Еврисфей — тебе
⁹³⁰ Нежданный дар; судьбы такой, конечно,
Не ждал и он, особенно, когда
Он, бранные Микены покидая,
Вел рать свою надменно и мечтал
Афинские разрушить стены... разве
Он чаял быть в твоих руках? Но бог
Обратное его предначертаньям
Решил и дал событиям ход иной:
Царь Гилл, а с ним и Иолай почтенный
Крониду в честь победы приношенье
Готовят там и поручили мне
Отрадный дар доставить этот. Слаще
Для сердца нет, коль видишь ты врага,
⁹⁴⁰ Счастливого так долго, в униженье!

Алкмена

Так вот ты, ненавистный! Наконец
И до тебя добралась Правда! Ну-ка,
Гляди сюда, осмелюсь на врагов
Глаза поднять... Ты слушаться нас должен,
Не мы тебя!.. Неужто это ты
Действительно тот самый, что Геракла —
Того Геракла, сына моего,
Который средь богов теперь, — измучил?
Живым его в юдоль Аида даже

⁹⁵⁰ Сойти принудил, гидр и львов его
Губить себе в угоду заставлял?
Не говорю о хитростях иных,
Придуманных твоею злобой; был бы
Их список слишком длинен... Но тебе
И этого казалось мало, дерзкий:
Детей и нас по всей Элладе ты
От алтаря до алтаря скитаться,
И стариков и малых, осудил...
Вот наконец нашелся город, люди,
Которые свободу любят; ты
Их запугать не мог — и злую смерть
Ты обретишь. Ты выгадал и тут...
За бедствия, которые тобою
Принесены нам были, не одной,
⁹⁶⁰ А тысячи тебе бы казней мало!

Слуга

Но все ж его не вправе ты казнить.

Алкмена

Тогда напрасно в плен его мы брали;
Но где ж закон, спасающий его?

Слуга

Афинские владыки так решили.

Алкмена

Что это? Смерти предавать врага —
По мнению афинян, не прекрасно?

Слуга

Нет, если взят живым он на войне.

Алкмена

А Гилл? Решенье он признал такое?

Слуга

Что ж, быть ему послушником Афин?

Алкмена

Что ж, быть живым и здоровым Еврисфею?

Слуга

⁹⁷⁰ Тогда неправдой был и плен его.

Алкмена

Еще не поздно ту неправду сгладить!

Слуга

Нет здесь того, кто б мог его убить!

Алкмена

Здесь я! А я ведь — тоже некто, мнится.

Слуга

Смотри! Бесславьем ты себя покроешь.

(Уходит.)

Алкмена

Люблю Афины я, люблю бесспорно;
Но Еврисфея — раз он мне достался —
Не властен вырвать из людей никто.
Кто хочет, пусть меня и дерзкой кличет
И преступившей женских чувств предел,
⁹⁸⁰ А мечь свою я утолю всемерно.

Корифей

Питаешь гнев ужасный ты, жена,
На Еврисфея; знаю — и прощаю,

Еврисфей

Не мни, жена, что в жизнелюбья страсти
До льстивых слов унижу я себя;
Нет, трусостью уже не согрешу я.
Вражду на сына твоего воздвиг

Я не по доброй воле; был я братом
Двоюродным тебе, и общность крови
Меня с твоим Гераклом единила.
Но все равно, хотел иль не хотел я —
⁹⁹⁰ Внушила Гера эту мне болезнь,
Она ж была богинею. И вот я
Врагом себя Гераклу объявил.
А раз вступив на путь вражды жестокой,
Я много мук ему изобретал
И, Ночь советчицей избрав, немало
Ткал замыслов, чтоб, свергнув супостата,
Остаток дней безоблачно провести.
Ведь достоверно знал я, что твой сын —
Муж настоящий, не пустое имя:
Ты видишь, хоть и враг он мне — за доблесть
Я на хвалу ему не поскуплюсь.
¹⁰⁰⁰ И вот он умер; что ж? Не знал я разве
Про ненависть ко мне его детей
И про вражды наследственность? И диво ль,
Что все пути я испытал, стараясь
Убить их иль изгнать? Иль средство было
Иное у меня, чтоб мне свое
Обезопасить царство? Ты сама бы, —
Когда бы жребии сменились наши, —
Детенышей разгневанного льва
Ужели злых терпеть бы стала, жить
Им в Аргосе дала б на воле? В этом
Ты никого не убедишь, жена!
Теперь — свершилось! Смерти жаждал я —
Меня живым оставили. Отныне —
¹⁰¹⁰ Так верует Эллада вся — никто
Меня без скверны уж убить не может.
Афины благочестье соблюли:
Не ставя гнева выше божьей воли,
Меня велели отпустить они.
Сказала ты — сказал и я. В дальнейшем
Уж нет врагов, а есть проситель скромный
И покровитель благородный. Впрочем,
Мне все равно: хоть смерти не желаю —
Без горечи расстанусь с жизнью я!

К о р и ф е й

Внемли совету кроткому, Алкмена:
Почти наш город — мужа отпусти!

А л к м е н а

¹⁰²⁰ А коль убью его без ослушанья?

К о р и ф е й

То было б лучшим; как же совместишь?

А л к м е н а

Сейчас поймешь. Его лишу я жизни,
А труп отдам родным, когда придут.
Так в отношенье тела волю граждан
Исполню свято, он же понесет
Из рук моих заслуженную кару.

Е в р и с ф е й

Что ж, убивай... вымалывать себе
Спасения не буду. Град же этот,
За то что отпустил меня и верность
Просителю соблюл, получит дар
Великий от меня — вещанье Феба.
В цене высокой он с годами будет,
Не вздумать даже вам теперь. Меня
¹⁰³⁰ Похоронить прошу, где мне судьбою
Назначено, у храма Девы бранной
Палленского! Землей засыпан, гость
Афинского предела, я останусь
Хранителем для вас и другом верным,
А для потомства этих Гераклидов
Врагом непримиримым, коль придут
С дружиною бесчисленной в Афины,
Забыв о вашей ласке. Вот кого
Пригрели вы! Вы спросите, как мог я,
Оракулом владея тем, бесстрашно
Идти сюда? Увы! Я Геру мнил
Сильнее всех вещаний; не считал я,

Что нас она покинет! На моем
Не надо гробе крови, возлияний;
Довольно с нас и нашей мести, — я,
Несчастный, дам возврат им, а Афинам
Двойною пользой будет смерть моя:
Я им заступник — и врагам их враг!

Алкмена

Чего ж вам медлить? Смерть его отраду
И вам сулит, и вашим детям; сами
Вы слышали — убейте же его.
Он сам вам путь надежный указывает:
При жизни враг он всем, по смерти — друг.
Итак, ведите, слуги, вы его,
А после казни труп похороните.
Того не будет, чтоб меня вторично,
Живой, изгнал ты из земли моей!
(Уходит).

Корифей

Мы согласны. Рабы, уведите его!
И не будет от нас
Государям страны осквернения!
Хор покидает оркестру.